

О ЧЕМ РАССКАЗАЛИ СТАРЫЕ ПИСЬМА (из личной переписки Ю. О. Мартова 1917 г.)

Личная переписка политических деятелей может стать важным историческим источником. В таком качестве и рассматриваются в настоящей публикации 19 писем, 5 открыток и 3 телеграммы Ю. О. Мартова (с 9 января по 24 октября 1917 г.), сохранившиеся в Центральном партархиве. Все они адресованы Н. С. Кристи, женщине, которая, очевидно, очень многое значила в жизни Мартова. Напоминая, скорее, дневниковые записи или заочную политическую беседу, эта переписка дает представление об идеях и взглядах автора, о судьбах партии меньшевиков в 1917 г.

В первых письмах, еще из Цюриха, Мартов рассказывает о мучительном поиске способов возвращения на Родину после получения известия о революции. Он обеспокоен тем, что лидеры меньшевизма распространяют идеи «революционного оборончества», осознает собственное бессилие помешать утверждению этих позиций в рядах меньшевиков¹.

Размышляя о перспективах революции в России, Ю. О. Мартов сохраняет убежденность в правоте меньшевистских тактических установок 1905 г. «Радикальная буржуазная революция,— пишет он 13 апреля,— может развиваться... так, чтобы рабочий класс предоставил буржуазии власть, но толкал ее все время вперед, держа ее под своим давлением и контролем», заставляя правительство «идти влево и влево»². Ориентируясь во многом на классические схемы западноевропейских буржуазных революций, Мартов, как и другие лидеры меньшевизма, исходил из обязательности для успеха пролетарской революции наличия высокого уровня развития экономики и культуры, прочных демократических традиций и превращения рабочего класса в большинство нации. Слушая в Цюрихе ленинский реферат «О задаче РСДРП в русской революции», он отметил отсутствие в выступлении «особенно сильных выражений» в адрес меньшевиков, но отверг предложенную В. И. Лениным тактику отношения к Временному правительству, усмотрев в ней цель «заострить сейчас всю самостоятельную политику социал-демократов на борьбе... за создание «рабочего правительства»»³.

Ю. О. Мартов в целом придерживался общих для меньшевизма трактовок роли российской буржуазии в революционно-освободительном процессе. Но уже в апреле 1917 г. предсказывал, в отличие от многих меньшевистских лидеров, момент, «когда буржуазные партии попробуют свалить с себя тяжелую руку рабочего класса или когда рабочему классу станет невозможно двигать революцию вперед при сохранении данного правительства». Только в таком случае Мартов допускал свержение буржуазного кабинета, но не для замены его рабочим, а во имя более прогрессивного, «трудолического» или «трудолическо-социалпатриотического» правительства. Задача перехода власти в руки пролетариата могла, по мысли Ю. О. Мартова, быть поставлена лишь после окончательного формирования буржуазной республики, «когда вся буржуазия и ее подголоски исчерпают себя»⁴.

Характеризуя свои взаимоотношения с В. И. Лениным и его сторонниками, Ю. О. Мартов отмечал отсутствие разногласий с ними в теоретическом определении условий для завоевания политической власти. «Спор,— писал он 20 апреля,— возникает только в моменты, когда в стране создается революционное положение... и является возможность каждой партии спекулировать на том, что ей удастся, благодаря революционной ситуации, добраться до власти не силой собственного класса, а увлечением за собой других классов, которые... обычно не идут за нами». Таким классом Мартов считал крестьянство, прежде всего «солдат-крестьян», поддерживавших, по его мнению, пролетариат только в силу недостаточного понимания собственных целей и социальных интересов, ожидая от нового правительства «либо устранения бедности при сохранении крестьянского мелкого хозяйства», либо войны до победного конца. Лидер меньшевизма предостерегал «от авантюристического использования временной ситуации, когда несознательность крестьянских масс может в известный момент... бросить их в наши объятия», предвещая всевластие социалистов трагический крах или принесение интересов рабочего класса в жертву (дабы сохранить режим) вынужденным уступкам крестьянству⁵.

Сегодня с высоты исторического опыта нельзя не признать обоснованность многих суждений Ю. О. Мартова, в том числе о недостаточной зрелости для «социалистического переворота». Оправданными были и выводы о

незавершенности в России формационного буржуазного переустройства. Однако и Мартову не было суждено выработать и отстоять реалистическую программу выхода страны из тупика войны и разрухи, которая адекватно учла бы «вектор» отсталости России и воздействие его в 1917 г. на общественно-политические процессы, соотношение и роль социальных сил в стране, радикализацию масс.

Вне поля зрения Ю. О. Мартова оставался сложившийся в России тип «догоняющего» капитализма, который не позволял ей следовать западно-европейским образцам. В первую очередь — из-за отсутствия в стране (где капитализм формировался при непосредственном вмешательстве абсолютистского государства) целостности хозяйственной жизни и относительного культурного единства народов. Прогрессирующая замкнутость, поляризация и параллельное взаимодействие различных общественно-экономических укладов питали рост социальной напряженности во всех слоях населения и определенный тип социальной психологии. Не нашли отражения в анализе и прогнозах Ю. О. Мартова и принципиально иные, чем в Западной Европе, процессы формирования социально-политической структуры российского общества⁶. «Насажждение» капитализма сверху и последующее вмешательство самодержавной власти в производство и управление экономикой замедлили консолидацию буржуазии в «класс для себя», обусловив новые исторические роли рабочего класса и интеллигенции. Заметим, что реалистически мыслящий Мартов впоследствии не раз вносил коррективы в собственные трактовки развития российского революционного процесса. В 1919 г. он признал (в немалой степени под влиянием активизации европейского революционного движения) наличие кризиса мирового империализма, который повсюду ставил рабочий класс «самими событиями перед непосредственной задачей завоевания политической власти». Из опыта 1917 г. он сделал вывод, что всякая национальная революция, порожденная империалистической войной, имеет антиимпериалистическую направленность и неизбежно «передаст государственную власть в руки пролетариата — одного или в союзе с другими классами». А значит, приходится считаться и с возможностью прихода рабочего класса к власти и в отдельных странах, где отсутствуют предпосылки для успешных социалистических преобразований. Мартов отметил, что меньшевики и большевики вплоть до 1917 г. ожидали от революционного созидания сравнительно быстрого и весьма прямолинейного «перехода в непосредственное управление общества всех, сколько нибудь существенных отраслей производства и торговли и построения на этой основе коммунистической системы народного хозяйства»⁷. В 1919 г. Ю. О. Мартов упрекал большевиков не за преждевременность «социалистического эксперимента», а за игнорирование ими новых задач — выработки системы революционной политики для целого переходного периода.

Возвратившись в Петроград 9 мая 1917 г., Ю. О. Мартов поселился в семье Ф. И. Дана, мужа своей младшей сестры. Родственники, в том числе и братья, не оказались его единомышленниками-интернационалистами. Владимир (В. О. Левицкий) принадлежал к правому крылу меньшевиков-оборонцев, а Сергей (С. О. Ежов) и Даны поддерживали позицию эсеров-меньшевистских лидеров Петроградского Совета. Из-за внутрисемейных разногласий Мартов был склонен даже покинуть (в дни первого съезда Советов) квартиру Дана, но уступил уговорам сестры. По ее воспоминаниям, «это житье всей семьей... имело... очень большое значение для выработки впоследствии единой партийной линии»⁸.

Переписка с Н. С. Кристи содержит подробные сообщения о первых месяцах жизни Ю. О. Мартова в послереволюционной России. В день приезда он отправился на Всероссийскую конференцию меньшевистских и объединенных организаций РСДРП. Выступая перед ее делегатами, резко критиковал вступление социалистов во Временное правительство, осуждал единение с меньшевиками-оборонцами. Но позиция Мартова не получила массовой поддержки. Большинство делегатов «с мест» верили, как уведомял он Н. С. Кристи 22 мая, в спасительную миссию коалиционной власти и страдали раскобоязнью. Полного разрыва с оборонцами требовали только примкнувшие к Ю. О. Мартову петербургские меньшевики-интернационалисты (группа Ю. Ларина и др.). В такой обстановке единомышленники Ю. О. Мартова «провели среднее решение»: раскола не производить, но объявить о снятии с себя ответственности за решения конференции и о намерении выступать с их критикой перед массами. Центром будущей фракции предполагалось избрать Петроградский комитет меньшевиков, где левые имели, по их подсчетам, не менее двух третей сторонников. Планировалось издавать само-

стоятельную газету или «летучие листки», бороться за изоляцию правого, оборонческого крыла и за распространение влияния на лидеров меньшевистского «центра» (Дан, Церетели и др.) и их сторонников⁹.

Настроение Ю. О. Мартова было в ту пору довольно пессимистическим, тревожным. «Над всем тяготеет ощущение чрезвычайности, временности того, что совершается,— писал он Н. С. Кристи 17 июня 1917 г.— Такое у всех чувство, что все это революционное великолепие на сносях, что не сегодня-завтра что-то новое будет в России, то ли крутой поворот назад, то ли красный террор каких-нибудь поляков, считающих себя большевистскими, но на деле настроенных просто пугачевски... А пока незаметно и неуловимо организуется какая-то контрреволюция, которая уже собирает свои силы»¹⁰. Строки эти были написаны за день до июньской политической манифестации. Ю. О. Мартов чутко уловил настроения «тоски по городовому» и жажды «сильной власти», витавшие тогда в российском обществе.

После июльских событий углубились расхождения Мартова с политикой официального меньшевистского руководства. Переписка с Н. С. Кристи содержит об этом интересные, ранее малоизвестные материалы. В письме от 8 июля 1917 г. Ю. О. Мартов упомянул о возможности партийного раскола. Интернационалистам предстояло, по его словам, решить на ближайшем съезде меньшевиков, «сохраняем ли мы дальше внешнее единство или идем своим путем». Себя Мартов причислял к сторонникам второго варианта событий, хотя и опасался сильной тяги «провинциальных единомышленников» к партийному единству¹¹.

Объединительный (авг. 1917) съезд РСДРП подтвердил худшие прогнозы политика. В открытке Н. С. Кристи от 25 августа он объяснял несостоявшийся разрыв расколофобией среди основной массы делегатов-интернационалистов. «Стало невозможно идти против своих собственных «каутскианцев»,— с горечью констатировал Мартов.—...Пришлось снова ограничиться заявлением, что не будем связывать себя дисциплиной и просто будем выступать, когда нужно, против большинства. Не прочь были нас за это исключить, но ряды большинства под конец дрогнули»¹².

Протокольные записи речей Ю. О. Мартова и его сторонников на меньшевистском съезде не содержали прямого призыва к партийному расколу. Очевидно, этот вопрос обсуждался в кулуарах или на фракционных совещаниях. Сохранение организационной связи меньшевиков-интернационалистов (кроме группы Ю. Ларина) с правоцентристским крылом РСДРП (объед.) было обусловлено целым комплексом сложных причин (социально-политических, исторических, психологических и т. п.) и обстоятельств. Их связывали общие идейные и стратегические установки. Прежде всего — отрицание готовности России в ближайшем будущем к социалистической революции, их роднило негативное отношение к большевикам. От радикальных действий соратников Мартова, возможно, удерживала и весьма скромная численность их и отсутствие возможности оказывать влияние на ход партийной политики¹³. Кроме того, в провинции меньшевики, как вспоминала сестра Мартова Л. О. Дан, плохо разбирались во фракционных разногласиях, «и если они легко отличали линии Дана и Ленина, то им далеко не всегда была ясна разница между Даном и Мартовым»¹⁴. Расхождения носили, как подчеркивали и сами лидеры меньшевистских группировок, сугубо тактический характер. Можно предположить, что основная масса меньшевиков-интернационалистов более активно отстаивала свое право не подчиняться общепартийным решениям, чем стремилась к организационному разрыву с оборонцами.

В осенних письмах 1917 г. говорится о постоянной занятости их автора в Предпарламенте и в Петроградском Совете. Мартов сообщает Н. С. Кристи, что собирается выставить свою кандидатуру (в Петрограде, Московской губ., Харькове, Туле и в одной из армий) на выборах в Учредительное собрание. Главной своей работой тогда он считал газету, гордился «Искрой» — собственным органом печати меньшевиков-интернационалистов. Вспоминал о «тихих» днях, проведенных в Швейцарии, сетовал, что не слышит музыки, кроме военных маршей, называл свою жизнь в России «очень сухой», «без малейшей капли поэзии»¹⁵. Возможно, эти слова отразили тоску по близкому человеку, которому адресовалась корреспонденция. Но последующие строки, честные и беспощадные по отношению к самому себе, обнажают более глубокие политические причины минорного настроения Ю. О. Мартова: «Вообще надо признать, что мы солидной силы собой не представляем. Есть известное почетное положение, определяющееся тем, что оборонцы и большевики одинаково относятся к нам с уважением и что буржуазная пресса не

позволяет себе так бесшабашно травить нас, как это делает с ленинцами... Но массы не склонны нас поддерживать и предпочитают от оборонцев переходить прямо к андиподу — к большевикам»¹⁶.

Личная переписка Ю. О. Мартова с Н. С. Кристи представляет современному читателю мыслителя социал-демократа, идеолога и лидера левого крыла одной из политических партий России, испытавшего трагедию революционера. Н. Н. Суханов подметил у него противоречие между высочайшим интеллектом и «слабостью действия»¹⁷. Не оспаривая в принципе эту оценку, Л. О. Дан дала своему брату несколько иную характеристику: «Мартов знал и понимал всю наготу и мизерность настоящего, но не позволял себе об этом думать, на этом останавливаться, и поэтому всю свою тактику строивший, ориентируясь на завтра, не желавший останавливаться на мизерии сегодняшнего дня. И «сегодня» часто жестоко мстило за себя»¹⁸. Социализм был для Ю. О. Мартова, по его признанию, «не отрешением от индивидуальной свободы и индивидуальности, а, напротив, высшим их воплощением», а начало коллективизма он «представлял себе прямо противоположным «стадности» и нивелировке». Отвергая «коалиционную канитель Керенского — Церетели», он не мог примириться и «с тем аракчеевским пониманием социализма и пугачевским пониманием классовой борьбы», из которых исходил, по его мнению, большевизм, «пытаясь насаждать социализм в экономически и культурно отсталой стране»¹⁹. Накануне Октября 1917 г. Ю. О. Мартов предвидел неизбежность революционного взрыва, но продолжал надеяться, что он произойдет под «желательными» лозунгами. Лидер левого крыла меньшевиков выступал за переход государственной машины «в руки демократии», видя в полном народовластии действенное средство достижения мира, преодоления разрухи и обуздания «контрреволюционных врагов». Размышляя, почему народные массы предпочли конституционной демократии пролетарскую диктатуру, Ю. О. Мартов пришел к заключению, что это результат: 1) кризиса классового самосознания пролетариата, вытеснувшегося под влиянием военной разрухи в форме «примитивного анархо-якобинского коммунизма»; 2) засилья «социально-революционной психологии солдатских масс», с присущим ей «анти-парламентаризмом» и 3) распадом «идейных скреп», которые долгие десятилетия связывали между собой не только реформистов и революционеров, но и объединяли в известные моменты социалистов с анархистами, а тех и других — с либеральными и христианскими рабочими»²⁰.

В идейном и политическом облике Ю. О. Мартова, по справедливому замечанию историка Н. А. Симонова, воплотилась одна из фундаментальных идей ортодоксального марксизма — «честный революционный реформизм ради достижения социально-политического единства пролетариата»²¹. Советским исследователям еще предстоит воссоздать политическую биографию Мартова, которая соответствовала бы реальным фактам, а не укрепившимся стереотипам.

¹ ЦПА ИМЛ при ЦК КПСС. Ф. 362, оп. 1, д. 51, л. 127—127 об.

² Там же. Л. 130.

³ Там же. Л. 129 об.

⁴ Там же. Л. 130, 130 об.

⁵ Там же. Л. 132, 132 об.

⁶ См.: Тарновский К. Н. О некоторых особенностях формирования не proletарских партий в России // Не proletарские партии России в трех революциях. М., 1989. С. 22—23.

⁷ Мартов Л. Предисловие // Нэн Ш. Диктатура или демократия. Адлер М. Проблемы социальной революции. Харьков, 1919. С. 5—7.

⁸ Из архива Л. О. Дан / Сост. Б. Сапир. Амстердам, 1987. С. 76.

⁹ ЦПА ИМЛ при ЦК КПСС. Ф. 362, оп. 1, д. 51, л. 149—149 об.

¹⁰ Там же. Л. 154.

¹¹ Там же. Л. 157—157 об.

¹² Там же. Л. 160.

¹³ См.: Мартов и его близкие. Нью-Йорк, 1959. С. 71.

¹⁴ Из архива Л. О. Дан. С. 74.

¹⁵ ЦПА ИМЛ при ЦК КПСС. Ф. 362, оп. 1, д. 51, л. 161 об., 161.

¹⁶ Там же. Л. 161 об.

¹⁷ Суханов Н. Записки о революции. Берлин; Пг.: М., 1923. Т. 4. С. 32.

¹⁸ Из архива Л. О. Дан. С. 69.

¹⁹ Мартов и его близкие. С. 48—49.

²⁰ См.: Симонов Н. Большевики и меньшевики // Неделя. 1990. № 21 (1573). С. 11.

²¹ Там же.